

Літературознавча енциклопедія: В 2 т. – Т. 1. – К.: Академія, 2007. – 607 с.; 6. *Копистянська Н.* Жанр, жанрова система у просторі літературознавства: Монографія. – Львів: ПАІС, 2005. – 368 с.; 7. *Прожогина С.* Аспекты культурной метисизации // Джерела інтерпретації. Ювілейн. зб. на пошану проф. Ю. Борева. – Дрогобич: Коло, 2006. – 764 с.; 8. *Федець Ю.* Проза Богуміла Грабала в контексті «празької іронії»: Дис. ... канд. філол. н. // http://librar.org.ua/sections_load.php?s=philology&id; 9. *Stryjová M.* Mlč. – Benešov, 2006. – 303 s.; 10. *Kriseová E.* Kočičí životy. – Praha, 1997. – 350 s.; 11. *Lukeš J.* - Týden. - 1997. - č. 22; 12. *Mlejnek J.*, LidN 16. 8. 1997, příl Národní, č. 33; 13. *Jungmannova L.* Česká literatura rozhraní a okraje. – Praha, 2011; 14. *Hanuška P.*, Tvar - 1997. - č. 15;

Е.В. Подденежная, канд. філол. н.
КНУ імені Тараса Шевченка

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА «ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ» В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ III ВОЛНЫ

У статті досліджується жанрова специфіка «філологічної прози». Метою статті є систематизація найбільш показних компонентів жанру на прикладі книги О. Геніса «Шість пальців». Актуалізація саме «філологічної прози» в літературі російської еміграції III хвилі обумовлена естетичними завданнями.

Ключові слова: *філологічна проза, еміграція, жанровий код, есе, мета-жанр.*

В статье исследуется жанровая специфика «филологической прозы». Целью статьи является систематизация наиболее показательных компонентов жанра на примере книги О. Гениса «Шесть пальцев». Актуализация именно «филологической прозы» в литературе русской эмиграции III волны обусловлена эстетическими задачами.

Ключевые слова: *филологическая проза, эмиграция, жанровый код, эссе, метажанр.*

In this article the specific genre «philological prose.» The systematization is the purpose of the article as the most revealing parts of the book as an example of

the genre by O. Genis «Six fingers.» Actualization is «philological prose» in the literature of the Russian emigration wave III caused aesthetic problems.

Keywords: *Philological Prose, emigration, genre code essay, metagenre.*

«Третья волна» русской литературной эмиграции была сформирована в новом историко-культурном контексте, существенно отличавшемся от русского зарубежья 1920-50-х годов. Литература эмиграции III волны представляла собой конфликтное существование различных авторских систем и позиций, сопряженных между собой совершенно разными политическими, психологическими, нравственными и художественно-эстетическими поисками.

В литературной критике и научных исследованиях неоднократно предпринимались попытки изучения особенностей жанровой специфики литературы III волны русской эмиграции, которая, безусловно, отражает динамику идей и проблем, составляющих основу эмигрантского литературного контекста 1960-90-х годов.

Литература «третьей волны» обозначила новые эстетические и философские проблемы, что способствовало изменению творческих приемов и появлению новых жанров, к числу которых можно отнести «филологическую прозу». В контексте данного жанра вспоминаются произведения А. Жолковского, Н. Эйдельмана, Э. Герштейн, С. Гандлевского, Вл. Новикова, А. Наймана.

Целью настоящей статьи является систематизация наиболее показательных компонентов жанра филологической прозы на примере книги А. Гениса «Шесть пальцев».

Выделение и изучение жанровой модели филологической прозы представляется одной из актуальных проблем и предполагает исследование ее доминантных признаков. Некоторые исследователи полагают, что жанр филологической прозы сложился в творчестве Ю. Тынянова, В. Каверина, В. Шкловского, К. Вагинова, и потому, рассуждая о «филологической прозе», предпочитают использовать термин «филологический роман». Другие, в частности, А. Жолковский, Ю. Щеглов, А. Генис, убеждены в существовании филологической прозы, определяя при этом совершенно разные в ее отношении магистральные идеи и мотивы. Проблематичным и дискуссионным остается вопрос сущностных характеристик данного жанра и отличия «филологической прозы» от других «синтетических жанровых форм», в частности, жанра эссе, которое также «...упорно противится сколь-нибудь четкому обозначению своей специфики, выступая скорее как некая наджанровая система, включающая самые разнообразные философские, исторические,

критические, биографические, автобиографические, публицистические, моральные, научно-популярные сочинения» [Эпштейн 1987, 122].

Действительно, эссе, как и филологическая проза, долгое время рассматривалось исследователями как периферийный жанр, попадая в контекст или “художественной публицистики”, или “художественно-документальной литературы”, или “литература факта”, преимущественно, в связи с «...проблематикой поиска идентичности, осмысления традиций или критики идеологий» [Зацепин 2010].

В литературе русской эмиграции эссе, с одной стороны, достаточно автономно от иных форм интеллектуального письма, а с другой - сильно сближается с чистой литературой. Примером тому является эссеистика таких представителей эмиграции как А. Синявский, П. Вайль, А. Генис, Б. Парамонов и многих других.

В жанровый код эссе, по мнению Л. Садыковой, принято включать ряд черт: «свободную композицию, выражение индивидуальных впечатлений по конкретному поводу, отказ от претензий на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета, субъективно окрашенное слово и ряд стилистических особенностей (образность, афористичность, разговорная интонация и лексика» [Садыкова 2009, 33]. В научной рефлексии существует тенденция к сближению эссе и филологической прозы, что представляется недостаточно аргументированным (работы О. Лекманова, М. Свердлова, Г. Малахиной, И. Степановой, С. Костыренко и многих других).

Прозаики русской эмиграции III волны демонстрировали расширение жанровых границ за счет включения в свои произведения любых тем из сфер искусства, литературы или философии. Авторы-эмигранты ставили перед собой, преимущественно, эстетические, творческие задачи, сознательно избегая идеологической составляющей, были склонны к формальному эксперименту и эстетическому поиску. В связи с этим актуализация собственно «филологической прозы» как «метажанра» между художественной литературой, эссеистикой и документалистикой является вполне обоснованным.

Представитель третьей волны эмиграции А. Генис отличается тем, что каждая из его книг написана в оригинальном жанре. Причем с дефинициями собственных текстов автор откровенно экспериментирует, называя их и культурологическими эссе - «Вавилонская башня», и филологическим романом - «Довлатов и окрестности», и сборником кулинарных рецептов - «Русская кухня в изгнании».

Если для литературы эмиграции 1920-1940-х годов было характерным развитие идей соборности, всеединства, духовной свободы, сохранения национальных традиций, то специфика творчества представителей «третьей

волны» состояла в том, что в своих произведениях они стремились описать, прежде всего, свои личные жизненные впечатления. Соответственно, ракурс изображения требовал новых жанров и новых подходов. При этом изменялся характер коммуникации, сюжет, трансформировался хронотоп. Собственно, развитие текста осуществлялось как противостояние традиции.

Книга А. Гениса «Шесть пальцев» определяется в аннотации как «роман воспитания», интеллектуальная автобиография, сборник теологических фантазий и культурологических пейзажей. Подобная спонтанность жанровых определений, прежде всего, свидетельствует о склонности самого писателя к филологическим экспериментам. А. Генис в данном случае лишь следует тенденции, обозначенной им еще в «филологическом романе» «Довлатов и окрестности» и прокомментированной М. Липовецким «...как возрождение традиций модернистской метапрозы» [Липовецкий 2000, 57].

Сам А. Генис так о собственной книге: «Они очень разные по характеру, по жанру... Но собравшись вместе, они, как кулак, говорят что-то одно. Мне кажется, что это автобиография... Шесть пальцев – это аномалия. Шесть пальцев – это такой сюрприз бытия, добавка бытия... Шестой палец – это сюрприз, это искусство, это то, что делает нас счастливыми. Такой и должна быть любая книга. Это то, что мы можем прочитать и перечитать. Шестипалого человека очень трудно опознать. Мы не видим его шестого пальца, он не заметен. Излишний подарок судьбы...» [Генис, 2009].

Собственно, композиция книги, хаотичная и произвольная манера изложения является моделью мироздания, личности и судьбы. В книге сосуществуют форма автобиографического повествования (глава «Трикотаж»), поэтические медитации «Темнота и тишина», рассказы-эссе «Пейзажи», оригинальные путешествия, что связано с характером и итогами самопознания самого автора.

Можно ли считать «Шесть пальцев» А. Гениса цельным в плане поэтики произведением?

Первый принцип, лежащий в основе его книги, демонстрирует то, что литературный текст находится в одном смысловом поле с другими, внелитературными, бытовыми, поведенческими и смысловыми рядами. Так, восточная философия афоризмов и иронических медитаций в «Темноте и тишине» («Говорят, что Будда останется Буддой, даже если дать ему пылесос, но обычно он не делает ничего. Только улыбается») [Генис 2011, 184]) сменяется топосным «зеленым пейзажем» Сохо и «серым» - Нью-Йорка. Поиски А. Гениса в «Пейзажах» завершаются ироническим новогодним подведением итогов («Гофманская елка с цветами и плодами, в кроне которой запутались мерцающие звезды свечек, напоминает напольный макет мироздания, до-

машный рай из набора «Сделай сам» [Генис 2011, 293]) и «олитературиванием» авторских размышлений о жизни и смерти. Литература (в «Пейзажах» явно или скрыто цитируются Пушкин, Лермонтов, Овидий, Гофман, Мандельштам, Баратынский) выступает катализатором психологического состояния автора, готового быть абсолютно откровенным, исповедальным, писать о том, что чувствуешь, и в тоже самое время воссоздавать историю, всем «до боли» знакомую – «... булькает водка, шипит шампанское, взрываются хлопушки, осыпая салаты конфетти, и мы торопим секундную стрелку, приближающую себя к двенадцати, а нас к смерти...» [Генис 2011, 296].

Этот же принцип может быть применим и к жанру эссе, доминантной чертой которого является совмещение философии, публицистики, культурологии и литературы. О книге А. Гениса правильнее говорить как о цельной, намеренно созданной поэтической структуре, которая является лиричной и не сводится при этом ни к философской, ни к социально-политической проблематике. Для автора важным является не последовательность событий, а их идентичная схема, структурные компоненты которой легко сравнивать. При этом признак, обозначенный как «лирический принцип изображения», позволяет автору уйти от типизации, реалистичности повествования и придать органичность всей книге таким образом, что читатель не задумывается об очередности глав, о степени их важности или о характере их взаимосвязи. Тем не менее, каждую часть книги предваряет своеобразное авторское предисловие - как подсказка, позволяющая читателю лучше понять то, что закодировано в главах «Шести пальцев». В «Трикотаже» объясняется, «... как и зачем автор стал автором» [Генис 2011, 5], в «Темноте и тишине» - писатель делится впечатлениями, «побывав там, где ничего не видно и не слышно» [Генис 2011, 145], в «Пейзажах» - описывает «среду обитания» [Генис 2011, 187], в «Истории моих народов» - признается «в любви к прошлому стран и культур» [Генис 2011, 297], в «Некрологах» - прощается «с тем, что было дорого» [Генис 2011, 545], в «Заповедях» - подводит «лапидарные итоги» [Генис 2011, 595].

Лирический угол видения также определяют как один из законов жанра эссе. В рамках филологической прозы уместнее говорить о нацеленности автора на самораскрытие и самоопределение индивидуальности, что центонно подтверждается предисловием к каждой главе.

Нацеленность на поиск как черта жанровой поэтики эссе может быть применима в качестве доминантной и для филологической прозы А. Гениса. Если для эссе характерным является своеобразный вектор этих поисков, а именно обусловленность временем создания, то для А. Гениса вектор поисков, их объективный характер и время создания не является сверхзадачей.

Автор старательно доказывает данный тезис, утверждая принципиальную установку на «устное слово», при этом активно мистифицируя читателя, вовлекая его в филологическую и культурологическую игру, представляя мир как текст, насквозь цитатный и требующий ответа на вопрос: «Земную жизнь пройдя до половины, я задался праздным вопросом: могла ли она быть другой?» [Генис 2011, 634].

Реализация личностного начала связана с категорией индивидуальной и национальной идентичности. Налицо соединение критического, историко-литературного и художественного дискурса. У А. Гениса категория «личностного начала» опирается на образ автора. Автор преобразует собственную жизнь в индивидуальный литературный мирообраз, подчеркивая их единство. В «Трикотаже» А. Генис фиксирует собственные воспоминания, в которых незамечаемые, как правило, моменты жизни, «бездельные детали» становятся главными. В «Заповедях» («Не валяй ваньку», «Не смотри в корень», «Не горюй», «Не точи ляды», «Не ходи вокруг да около», «Не считай галок», «Не кати бочку», «Не гони волну», «Не учи ученого», «Не дай бог») пытается обобщить свой жизненный опыт, создавая авторскую концепцию принципов мироустройства.

Таким образом, в книге А. Гениса «6 пальцев» находят отражение несколько доминантных тенденций, на наш взгляд, актуальных для филологической прозы - алинейность, разнообразные аналогии, ассоциации, уточнения, установка на открытость и незавершенность, демонстрирующая сближение с романной и лирической структурой повествования, стирание границ между фиктивным и документальным изложением, многочисленные авторские номинации.

1. *Генис А. Шесть пальцев.* – М.: КоЛибри, Азбука, 2011. – 640 с. 2. *Зацепин К.А. Эссе как коммуникативная форма: проблемы чтения (на материале современной эссеистики).* Дисс. ... канд. филол. н. - Самара, 2006. – 129 с. 3. *Ладохина О.Ф. Филологический роман: фантом или реальность русской литературы XX века?* – М.: Водолей, 2010. – 168 с. 4. *Литовецкий М. Критика как прием (Рец. на кн.: Генис А. Довлатов и окрестности).* – М.: НЛЮ, 2000. - №44. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/44/lipovec.html>. 5. *Садыкова Л.В. Русское эссе XX века. Художественное своеобразие. Динамика жанра.* – Донецк: Норд-Пресс, 2009. – 405 с. 6. *Эпитейн М. Законы свободного жанра (эссеистика и эссеизм в культуре нового времени) // Вопросы литературы.* – 1987. – №7. - С. 122-152.